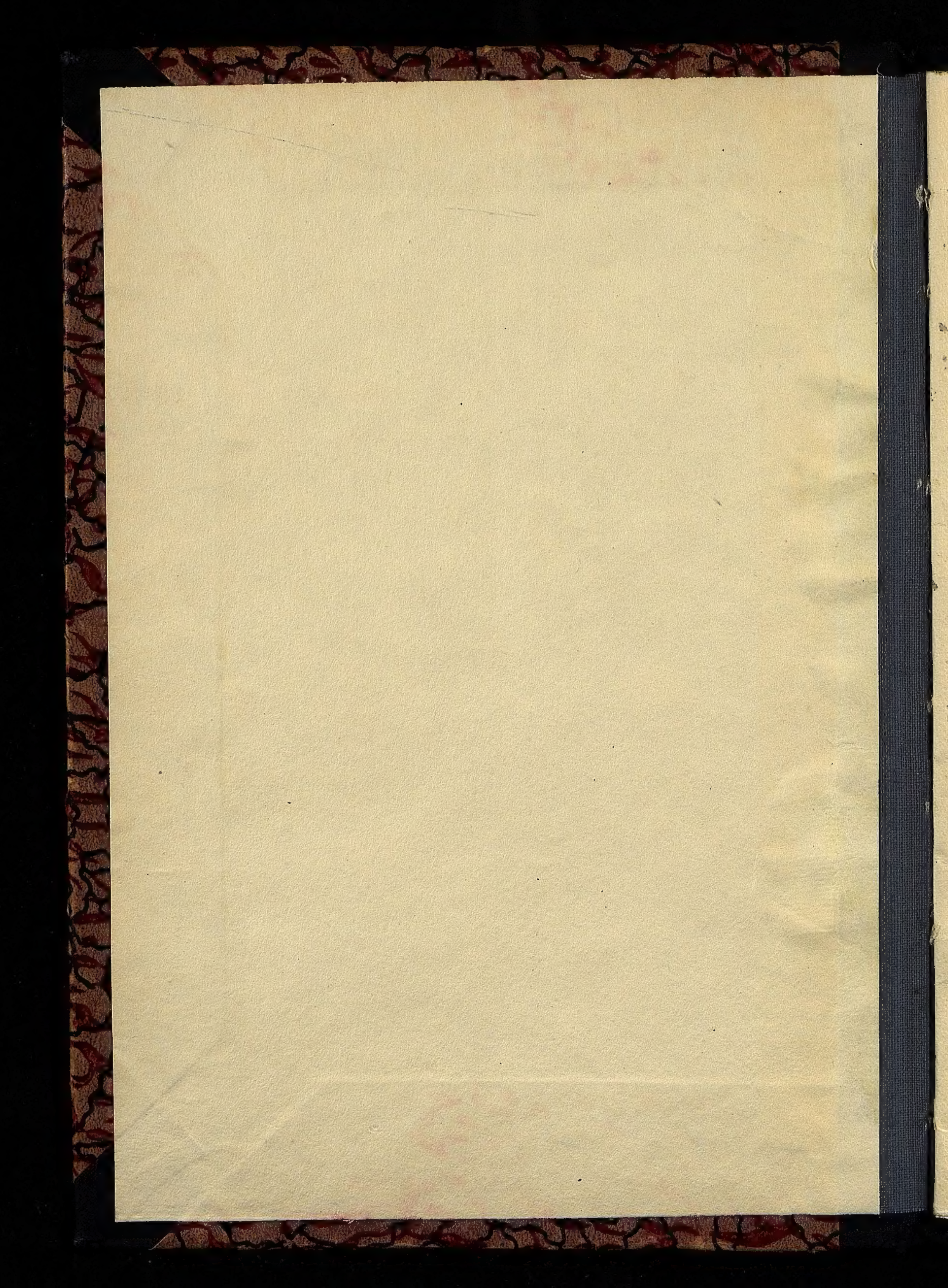
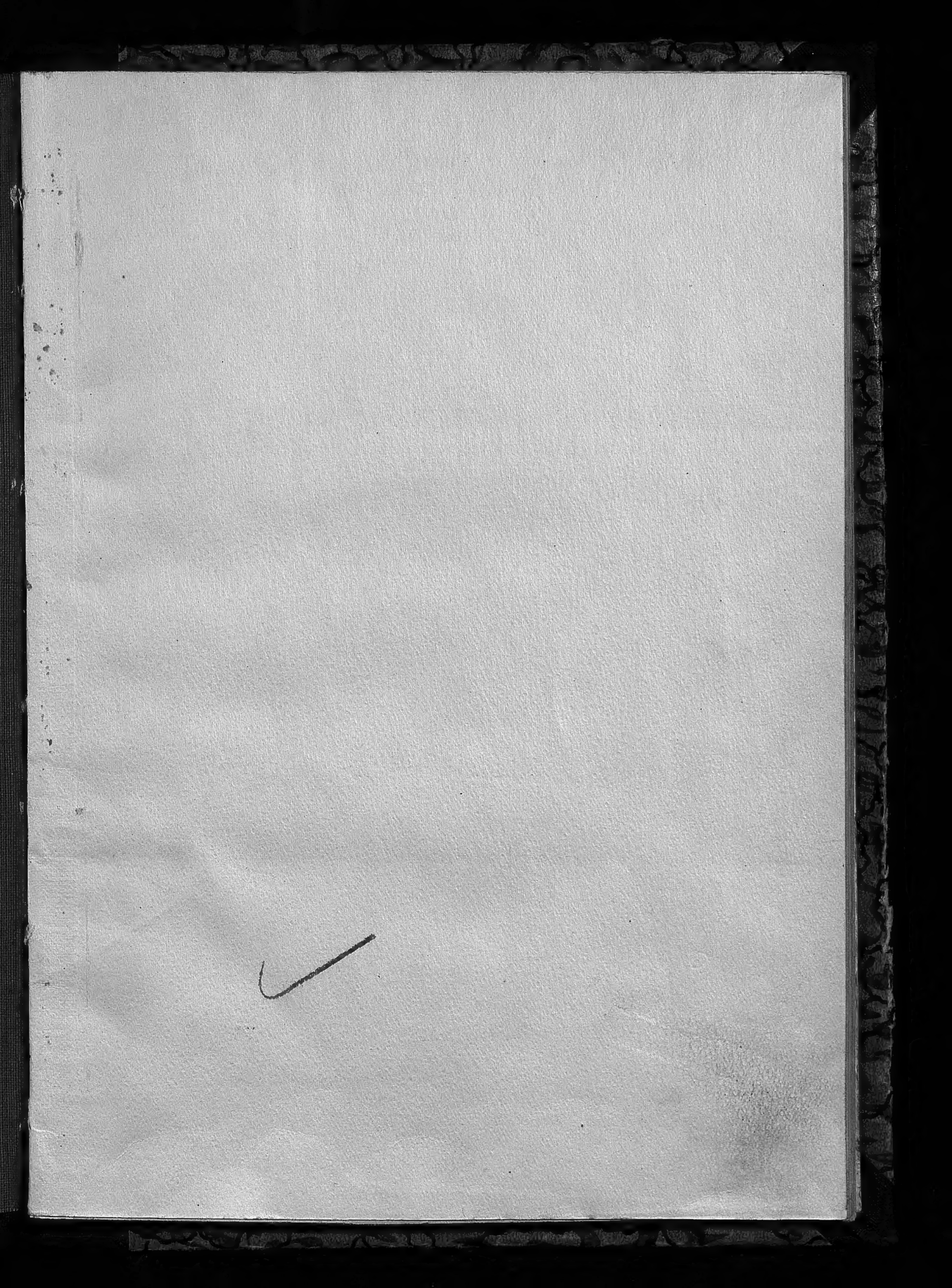
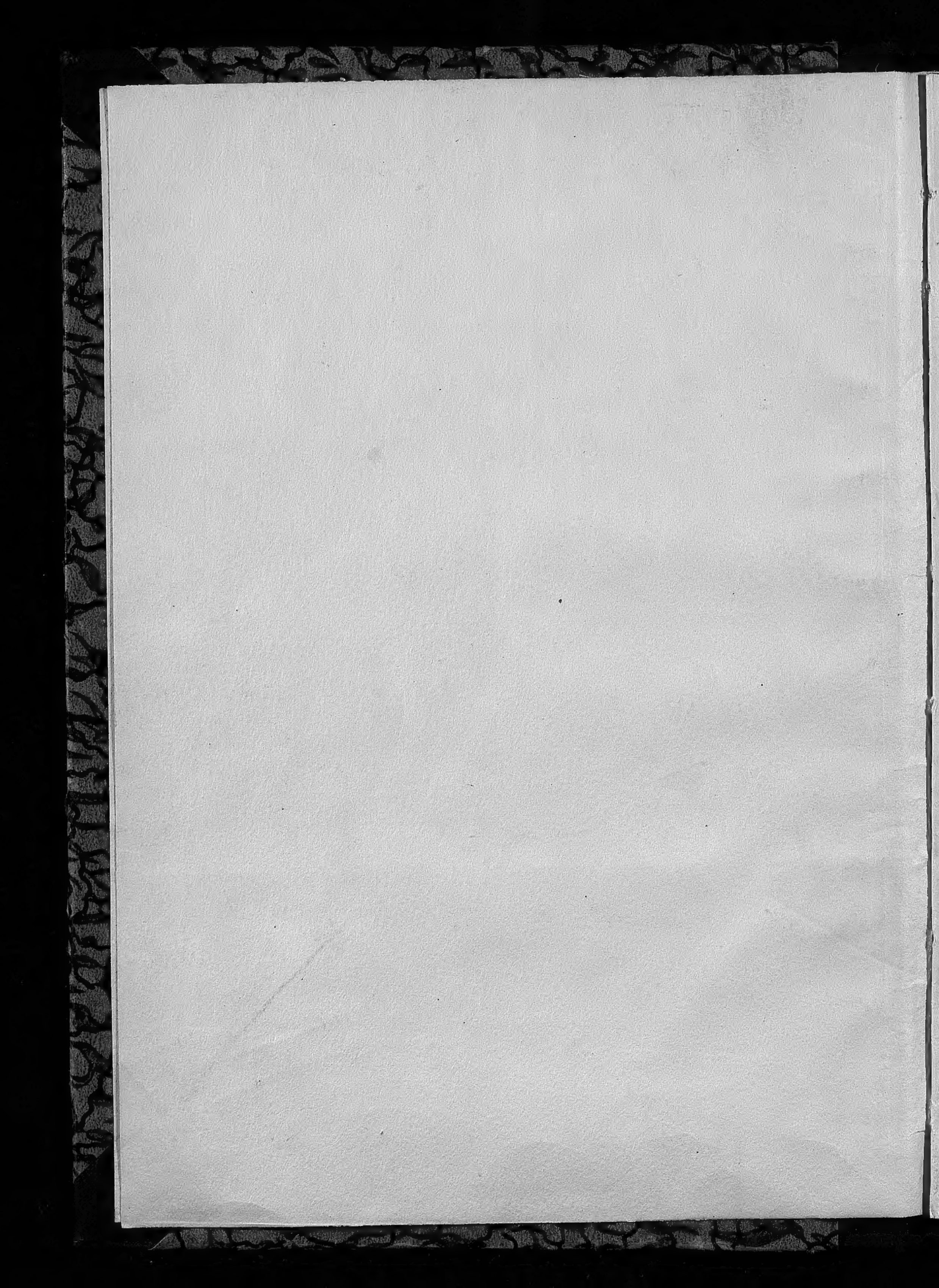

Д16
2526

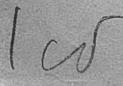

Педагогическое Общество, состоящее при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ.
Труды Комиссіи по устройству чтеній для учащихся.

ИВАНЪ ѲЕДОРОВЪ И НАЧАЛО КНИГОПЕЧАТАНІЯ НА РУСИ.

СОСТАВИЛЪ
А. А. КИЗЕВЕТТЕРЪ.
Приватъ-доцентъ Московскаго Университета.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1904.

Дозволено цензурою. Москва, 17 марта 1904 года.

Предлагаемая статья привать-доцента *А. А. Кизеветтера* — **„Иванъ Өедоровъ и начало книгопечатанія на Руси“**, была прочитана 17 фезраля 1902 года въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ, въ ряду чтеній, устраиваемыхъ Педагогическимъ Обществомъ, состоящимъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Негативы свѣтовыхъ картинъ, показанныхъ при этомъ чтеніи, хранятся въ мастерской А. Анцыферовой (Москва, Арбатъ, Николо-Песковскій пер., д. Грушка).

Дозволено цензурою. Москва, 17 марта 1904 года.

Предлагаемая статья приватъ-доцента *А. А. Кизеветтера* — **„Иванъ Ѳедоровъ и начало книгопечатанія на Руси“,** была прочитана 17 февраля 1902 года въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ, въ ряду чтеній, устраиваемыхъ Педагогическимъ Обществомъ, состоящимъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Негативы свѣтовыхъ картинъ, показанныхъ при этомъ чтеніи, хранятся въ мастерской А. Анцыферовой (Москва, Арбатъ, Николо-Песковскій пер., д. Грушка) и могутъ быть воспроизведены по желанію заказчиковъ.

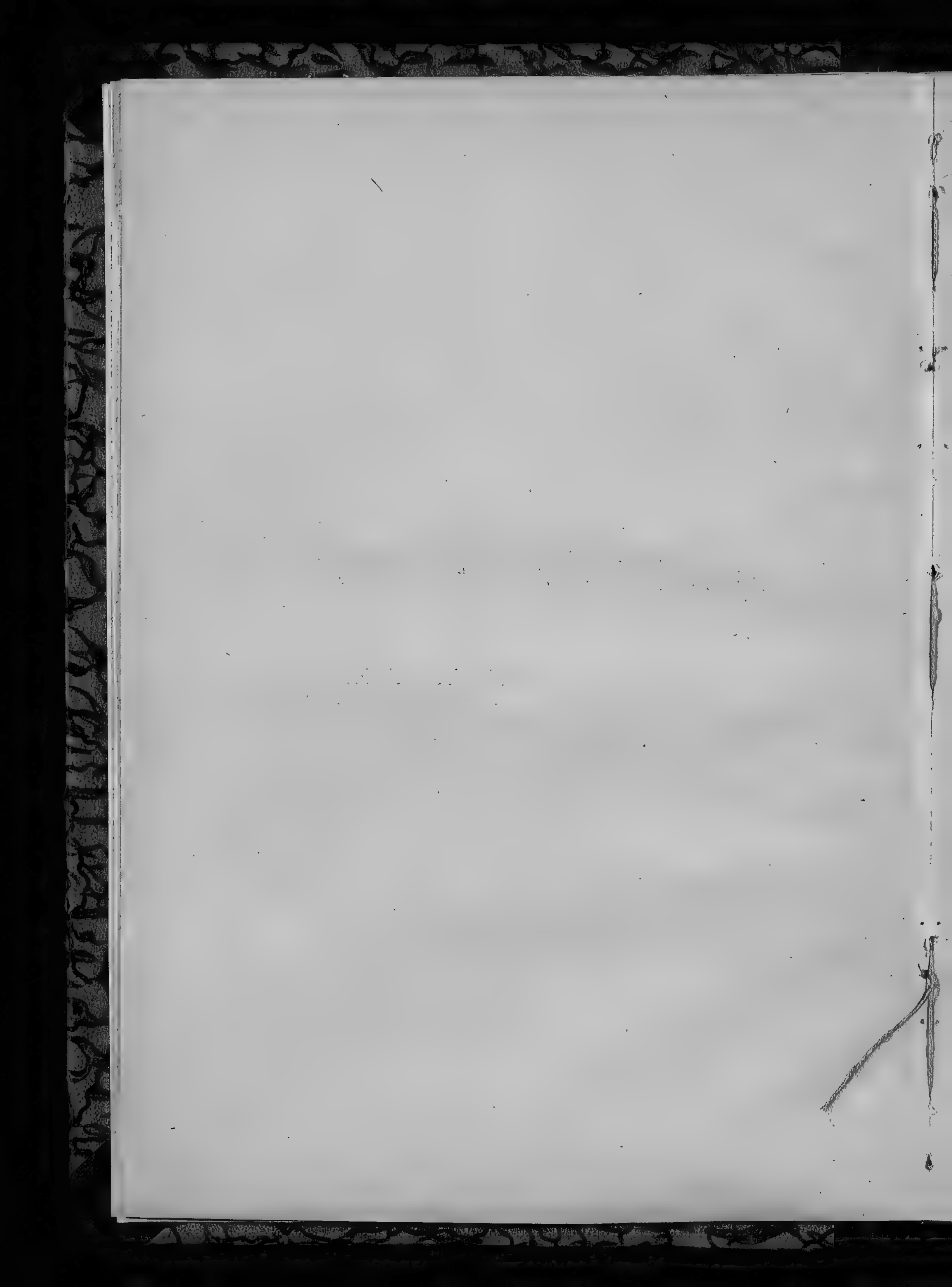
Къ статьѣ приложены картины изъ коллекціи, сюда относящейся. Коллекціи отпускаются безплатно въ пользованіе московскихъ учебныхъ заведеній. Хранителя коллекцій Ивана Викентьевича Юркевича (Нижняя Кисловка, д. Азанчевскаго, кв. № 4) можно видѣть отъ 7 до 9 час. вечера, кромѣ каникулярнаго времени.

ИВАНЪ ѲЕДОРОВЪ

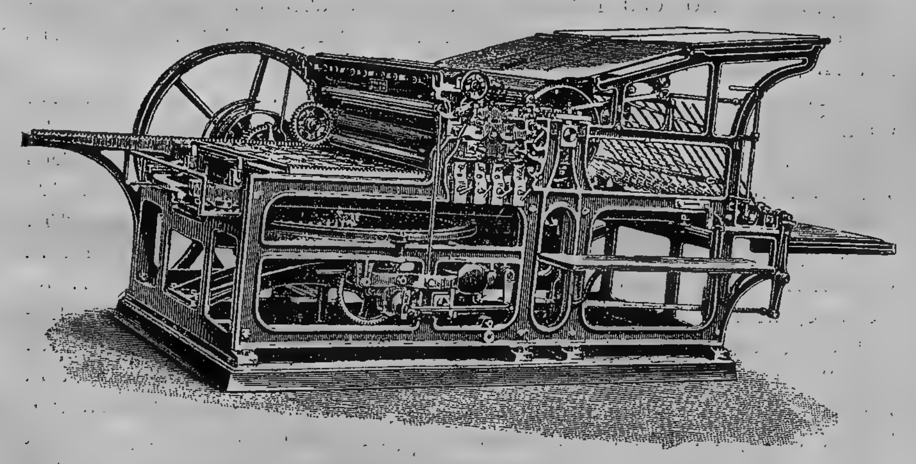
И НАЧАЛО

КНИГОПЕЧАТАНІЯ НА РУСИ.

ИВАНЪ ѲЕДОРОВЪ
и начало книгопечатанія на Руси.

Мы любимъ называть человѣка вѣнцомъ творенія. Право на этотъ почетный титулъ даютъ ему нѣкоторыя преимущества его физическаго строенія, а, главное, тѣ духовные дары, которые входятъ въ составъ человѣческой природы. И среди этихъ даровъ мы поставимъ на первомъ мѣстѣ способность къ сознательному мышленію, способность къ членораздѣльной рѣчи и способность къ употребленію искусственно изготовленныхъ орудій. Сознательно отчетливая мысль, членораздѣльное слово и искусственныя орудія — вотъ тѣ первоначальныя силы, съ которыми человѣческій родъ вступилъ въ битву жизни и изъ которыхъ развились затѣмъ его послѣдующія

Типографская машина одной изъ новыхъ конструкцій.

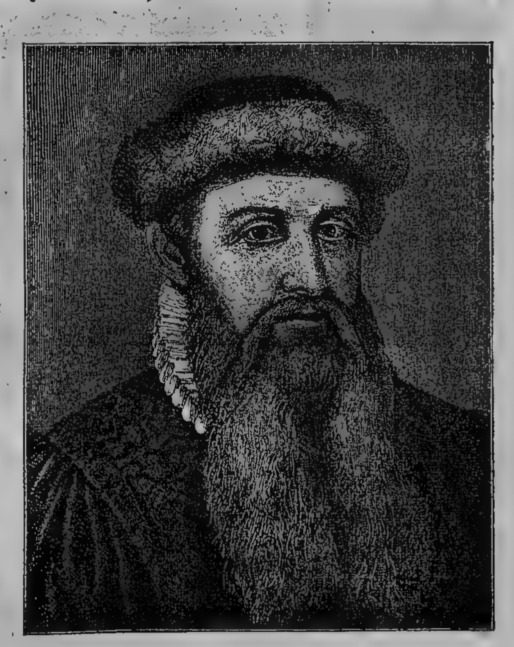
преимущества надъ животнымъ населеніемъ нашей планеты. Если это такъ, то, по моему мнѣнію, нельзя придумать лучшаго символа мощи человѣческаго духа, чѣмъ та машина,

которая была изобрѣтена Іоганномъ Гутенбергомъ въ половинѣ XV столѣтія. Я разумѣю типографскій станокъ. Это — искусственное *орудіе,* предназначенное спеціально для воспроизведенія *слова*, выражающаго *мысль*.

Казалось бы орудіе, столь соотвѣтствующее лучшимъ дарамъ человѣческой природы, должно было вызвать своимъ появленіемъ общій восторгъ людей, а изобрѣтатели и распространители этого орудія должны были получить отъ своихъ современниковъ громкое признаніе своей славы. Такъ должно было бы статься. Но дѣйствительная жизнь нерѣдко оказывается горькой насмѣшкой надъ тѣмъ, что намъ представляется столь естественнымъ и необходимымъ. И исторія типографской машины знаетъ не одну грустную повѣсть о неудачахъ и страданіяхъ людей, которые несли въ міръ великую идею и умирали въ заброшенности и нищетѣ, которые горячо вѣрили въ свое дѣло и падали жертвами этой вѣры, благодаря то сознательной злобѣ, то безсознательной невѣжественности окружающей толпы. Одну изъ этихъ грустныхъ повѣстей я хочу напомнить читателямъ въ настоящемъ очеркѣ. Я хочу разсказать исторію перваго русскаго книгопечатника, дьякона Ивана Ѳедорова, въ суровый вѣкъ Ивана Грознаго, мечтавшаго, по его выраженію, разбросать съ своего печатнаго станка „духовныя сѣмена по всему міру“ и „раздать всѣмъ духовную пищу“.

Иванъ Ѳедоровъ не былъ геніальнымъ изобрѣтателемъ. Онъ усвоилъ искусство книгопечатанія изъ чужихъ рукъ, явился не болѣе, какъ талантливымъ ученикомъ и усерднымъ техникомъ своего дѣла. Но въ его личности мы открываемъ другую черту, которая стоитъ геніальной изобрѣтательности. Онъ сумѣлъ оцѣнить значеніе усвоеннаго имъ искусства и, оцѣнивъ это значеніе, сумѣлъ разжечь въ себѣ страстное, непреодолимое стремленіе подѣлиться со всѣми своимъ сокровищемъ, сдѣлать изъ него орудіе служенія своей родинѣ, своимъ ближнимъ. Велика слава геніальныхъ изобрѣтателей, но не менѣе благодарную память должны мы хранить и о тѣхъ, кто разносилъ благодѣтельную идею по бѣлому свѣту, желая сроднить съ ней народныя массы. Благое дѣло — зажечь свѣчу среди господствующаго мрака, но не мала заслуга и пронести зажженную свѣчу, охранивъ ея пламя отъ порывовъ вѣтра. Иванъ Ѳедоровъ крѣпко держалъ свой свѣтильникъ и бережно донесъ его до могилы среди всевозможныхъ испытаній и ударовъ судьбы.

Распространеніе книгопечатанія онъ сдѣлалъ призваніемъ своей жизни. Искусство книгопечатанія сравнительно поздно проникло въ предѣлы Россіи. Къ тому времени, какъ въ Москвѣ впервые застучалъ печатный станокъ, прошло уже цѣлое столѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ Майнцскій патрицій Іоганнъ Гутенбергъ, потерявъ состояніе во время революціи, вспыхнувшей въ его родномъ городѣ, въ изгнаніи и бѣдности работалъ надъ разными техническими производствами и напалъ на простую и геніальную мысль—сдѣлать сначала изъ дерева, а потомъ и изъ металла отдѣльныя буквы, которыя можно было переставлять въ какомъ угодно порядкѣ для составленія различныхъ словъ и отпечатыванія этихъ словъ на бумагѣ.

Іоганнъ Гутенбергъ.

Извѣстна послѣдующая трагедія жизни Гутенберга. Для осуществленія изобрѣтенія нужны были матеріальныя средства. Гутенбергъ былъ бѣденъ, и ему пришлось довѣрить свою тайну чужимъ своекорыстнымъ людямъ, которые поспѣшили воспользоваться его стѣсненнымъ положеніемъ для личной наживы и чуть было не похитили у потомства самаго имени изобрѣтателя книгопечатанія. Компаніоны Гутенберга издали вмѣстѣ съ нимъ въ 1455 г. первопечатную библію, а затѣмъ вытолкнули его на улицу, описавъ за долги его имущество и оставшись единственными хозяевами первой типографіи. Въ своихъ изданіяхъ они нигдѣ не упоминали имени того, кто сообщилъ имъ идею великаго изобрѣтенія. Гутенбергъ, кое-какъ устроивши себѣ новую типографію, вскорѣ умеръ въ бѣдности, едва оцѣненный современниками въ то время, когда его идея широко разливалась по Европѣ. Случайное обстоятельство ускорило ея распространеніе.

Гутенбергъ. (Съ картины Гиллемакера).

Въ 1462 г. городъ Майнцъ сдѣлался жертвой междоусобной войны. Масса гражданъ была осуждена на изгнаніе и въ томъ числѣ многіе рабочіе майнцскихъ типографій. Они разошлись по разнымъ странамъ и повсюду разнесли образцы своего искусства. Въ 70-хъ годахъ XV вѣка типографіи появились уже во многихъ городахъ Германіи, Франціи, Голландіи, Италіи. Московская Русь долго оставалась въ сторонѣ отъ этого движенія. Книгопечатаніе пришло сюда не прямо съ Запада, а далекимъ окружнымъ путемъ, черезъ Италію. *Венеція*—вотъ городъ, который явился передаточнымъ пунктомъ между западной и восточной Европой въ дѣлѣ распространенія книгопечатанія. Первая типографія основалась въ Венеціи въ 1469 г., а черезъ десять лѣтъ здѣсь работало уже 150 типографій, которыя вмѣстѣ выпустили за это десятилѣтіе болѣе 3,000 сочиненій, составившихъ около 2 милліоновъ томовъ. На ряду съ библіей здѣсь выходили изящныя изданія латинскихъ классиковъ, а съ 90-хъ годовъ знаменитый венеціанскій издатель Альдъ Минуцій наводняетъ книжный рынокъ Европы цѣлыми массами *греческихъ* книгъ, начиная съ собра-

нія сочиненій Аристотеля. Живымъ ключомъ било въ Венеціи книгоиздательское дѣло, принимавшее поистинѣ грандіозные размѣры. Отсюда, изъ Венеціи, печатный станокъ началъ проникать мало-по-малу и въ славянскія земли. Въ 90-хъ годахъ XV вѣка іеромонахъ Макарій завезъ эту новинку изъ Венеціи въ столицу Черногоріи — Цетинье. Лѣтъ черезъ десять встрѣчаемъ того же Макарія въ Валахіи все въ той же роли распространителя книгопечатанія.

Вліяніе Венеціи достигло затѣмъ Сербіи и Чехіи, но здѣсь зародыши книгопечатнаго дѣла скоро были убиты неблагопріятнымъ стеченіемъ мрачныхъ историческихъ событій. Въ Сербіи всякимъ культурнымъ начинаніямъ положило конецъ турецкое иго. Чехія, казалось, стояла въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ: на ряду съ венеціанскимъ вліяніемъ, доходившимъ и до Чехіи, здѣсь дѣйствовалъ примѣръ ближайшихъ городовъ Германіи — Нюренберга, Аугсбурга, въ которыхъ типографское дѣло достигло пышнаго расцвѣта. Но и надъ Чехіей скоро скопились грозныя тучи. Именно здѣсь, въ Чехіи, началась та великая война, которая охватила потомъ всю Германію и получила въ исторіи названіе тридцатилѣтней войны. Печатный станокъ смолкъ подъ шумъ оружія, а католическія арміи, вторгшіяся въ Чехію, съ неистовой торопливостью истребляли чешскія типографіи и чешскія книги.

Въ 20 годахъ XVI в. распространеніе книгопечатанія захватило и юго-западную Русь. Религіозные вопросы сильно волновали въ то время общественное мнѣніе европейскихъ странъ, а здѣсь, въ юго-западномъ краѣ Россіи, какъ разъ сошлись бокъ-о-бокъ представители самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ религіозной мысли. Коренное населеніе было православнымъ, изъ Польши надвигался католицизмъ, а вперемежку съ представителями этихъ двухъ главныхъ мѣстныхъ исповѣданій юго-западная Русь кишѣла послѣдователями многочисленныхъ сектъ, порожденныхъ нѣмецкой реформаціей. Гонимые на родинѣ, эти сектанты пускались въ далекія странствія за поисками лучшей жизненной доли, и многіе изъ нихъ были заносимы судьбой въ юго-западную Россію, гдѣ они осѣдали среди мѣстнаго населенія, какъ далеко заброшенные брызги взбаламученнаго моря нѣмецкой реформаціи. Легко представить себѣ, какой возбужденной умственной жизнью жило въ это время общество юго-западной Россіи. Борьба религіозныхъ партій выражалась въ усиленной литературной полемикѣ. Услуги печатнаго станка явились при этомъ, какъ нельзя

болѣе кстати, и типографское дѣло нашло здѣсь для своего развитія благодарную почву. Говорятъ: война рождаетъ героевъ. Съ такимъ же правомъ можно сказать: оживленіе въ обществѣ умственныхъ интересовъ вызываетъ на арену предпріимчивыхъ общественныхъ дѣятелей. Такъ было и въ данномъ случаѣ.

Въ началѣ XVI вѣка въ богатой русской купеческой семьѣ въ городѣ Полоцкѣ подросталъ мальчикъ, которому суждено было заложить первыя основы русскому книгопечатанію. То былъ Георгій Скорина. Умственные интересы даровитаго юноши складывались въ атмосферѣ религіозной борьбы, въ которую онъ и не замедлилъ вмѣшаться по окончаніи своего образованія въ Краковскомъ университетѣ. Городъ Краковъ довольно рано сталъ крупнымъ центромъ книгопечатнаго дѣла. Уже здѣсь Скорина могъ воочію оцѣнить, что значитъ печатный станокъ въ борьбѣ за идею. По окончаніи университета Скорина переселился въ Прагу, и здѣсь въ его руки попалась чешская библія, отпечатанная въ Венеціи. Эта книга рѣшила судьбу Скорины. Ему захотѣлось дать своему народу *русскую* библію. Онъ окончательно утвердился на мысли, что служить народу значитъ учить его, что для того, чтобы сдѣлать человѣка сильнымъ и стойкимъ въ борьбѣ за свои интересы, слѣдуетъ прежде всего вооружить его книгой. Служенію этой идеѣ Скорина отдалъ свою жизнь. Сначала въ Прагѣ, потомъ въ Вильно онъ основалъ типографіи для печатанія своихъ изданій. То были священныя книги: учебная псалтырь, „библія руска“ и др., переведенныя Скориной на языкъ его родины—на смѣшанное бѣлорусское нарѣчіе. Такъ Скорина на нѣсколько лѣтъ предвосхитилъ мысль Лютера о переводѣ библіи на національный языкъ.

Съ такой постепенностью придвигалось распространеніе книгопечатанія къ предѣламъ Московской Россіи. Перебрасываясь быстрыми скачками изъ Германіи въ Италію, изъ Италіи въ Чехію, изъ Чехіи въ Бѣлую Русь, печатный станокъ къ 20-мъ годамъ XVI вѣка стоялъ уже у самаго порога Московскаго государства. Его появленіе въ Москвѣ было вопросомъ недолгаго времени. Нѣтъ такой преграды, которая могла бы остановить мирныя завоеванія культуры. Сто лѣтъ спустя послѣ изобрѣтенія Гутенберга появилась и въ Москвѣ первая типографія.

Чтобы понять, какъ слѣдуетъ, все значеніе этого нововведенія въ исторіи русской книги и русской образованности, нужно только припомнить, что представляло собою книжное дѣло до примѣненія книгопечатной машины. Книги распространялись посредствомъ переписки. А знаете, что значило въ старину переписать книгу? Приблизительно то же, что въ наше время написать картину или изваять статую. Это былъ цѣлый подвигъ художественнаго творчества. Къ его соверше-

Портретъ Георгія Скорины. (Изъ библіи, напечатанной Скориной въ Прагѣ въ 1517 году).

нію приступали со страхомъ, какъ къ очень отвѣтственному предпріятію, въ которое предстояло вложить массу труда и таланта. Важность дѣла еще болѣе усиливалась его религіоз-

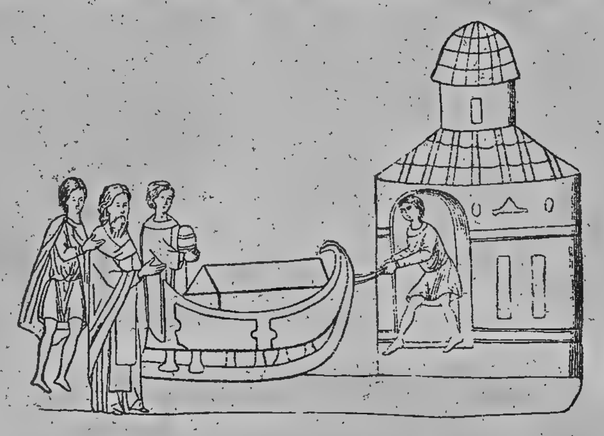
нымъ значеніемъ. Переписывались преимущественно священныя и богослужебныя книги. И вотъ, переписать книгу значило совершить не только художественный, но и религіозный подвигъ. Переписываніе книги безъ должнаго чувства благоговѣнія считалось величайшимъ грѣхомъ, осуждающимъ человѣка „муцѣ вѣчной и огню негасимому". Древнія поученія такъ разъясняли богоугодность книгописанія: отъ него получаются три блага: „первое, отъ своихъ трудовъ питаешися", т.-е. получаешь матеріальный заработокъ, „второе—празднаго бѣса изгониши", „третье—съ Богомъ бесѣдовати имаши". И вотъ, древній писецъ со страхомъ и трепетомъ раскладывалъ передъ собой свои „харатьи", т.-е. пергаментные листы, на которыхъ писали у насъ до половины XIV вѣка. Лишь въ XIV вѣкѣ къ книгопечатанію была у насъ приспособлена бумага, такъ называемый бомбицинъ—хлопчатая бумага (по-латыни bombax). Листки нарѣзывались обыкновенно въ 1/4 долю листа, когда писали на пергаментѣ или въ листъ, когда писали на хлопчатой бумагѣ. Прежде, чѣмъ приступить къ писанію, на каждой страницѣ остріемъ проводились на одинаковыхъ разстояніяхъ черты, которыя должны были служить линейками для веденія строкъ. Затѣмъ писецъ вооружался тростью, „каламой" (онѣ привозились изъ Греціи) и начиналъ тщательно срисовывать отдѣльно каждую букву своего оригинала. Особенно много труда и художественнаго вкуса вкладывалъ писецъ въ изображеніе начальной буквы каждой статьи. Эту букву писали всегда красными чернилами: киноварью, отсюда и выраженіе, которое мы и теперь употребляемъ, „красная строка". Затѣйливой и крупной фигурой вырисовывалась эта буква, сразу бросаясь въ глаза своей яркостью и прихотливостью своихъ очертаній.

Она должна была приманить любопытный взоръ, какъ фонарь, выставленный на крыльцѣ, приманиваетъ путника. Затѣмъ слѣдовали одна за другой черныя буквы текста. Достаточно взглянуть на образчики древнерусскихъ почерковъ изъ старинныхъ рукописныхъ книгъ, чтобы понять, какая кропотливая работа выпадала на долю переписчика. Но начертаніемъ буквъ дѣло еще не ограничивалось. Нерѣдко рукопись обильно украшалась разнообразными рисунками. Въ началѣ текста помѣщались раскрашенныя заставки. На поляхъ и на особыхъ страницахъ были разсыпаемы отдѣльные рисунки. Эта живопись книжныхъ иллюстрацій имѣетъ свою исторію. Въ XIII—XIV вв. преобладаетъ звѣриный орнаментъ: очертанія звѣрей,

Образецъ стариннаго письма и украшеній по рукописи XV вѣка.

птицъ, змѣй, фантастическихъ чудовищъ, сплетенныхъ узлами и хвостатыми росчерками. Въ XV в. звѣриный орнаментъ смѣняется геометрическимъ: узоры составляются изъ кружковъ и рѣшеточекъ вперемежку съ растительными формами.

Рисунокъ изъ старинной рукописи „Сказанiе о Борисѣ и Глѣбѣ". Перевезенiе мощей св. кн. Глѣба.

Вы видите, я не даромъ употребилъ слово *подвигъ*, говоря о перепискѣ древнихъ книгъ. Это была очень сложная и длинная работа. Иногда писцы обозначали время начала и

Старинное изображенiе лѣтописца изъ Лаврентьевской лѣтописи. (Рукопись конца XV вѣка).

окончанiя своего труда. По этимъ помѣткамъ можно сообразить продолжительность работы переписчика. Лаврентьевская лѣтопись, напримѣръ, была переписана въ теченiе 75 дней. Въ ней 180 листковъ, т.-е. страничекъ, исписанныхъ съ двухъ

сторонъ. Итакъ, среднимъ числомъ писалось по $2^1/_3$ листка въ день. Остромирово евангеліе было переписано въ 7 мѣсяцевъ на 294 листкахъ, итого по $1^1/_2$ листка въ день.

Затративъ такъ много времени на переписку книги, вложивъ въ это дѣло такъ много вниманія и эстетическаго вкуса, писецъ естественно сживался со своей работой и ставилъ послѣднюю точку съ чувствомъ исполненнаго подвига и съ чувствомъ любовной нѣжности къ дѣтищу своего искусства. Эти чувства находили себѣ иногда образное поэтическое выраженіе въ припискахъ и послѣсловіяхъ къ рукописнымъ книгамъ. Напримѣръ: „Радъ бываетъ корабль, переплывши морскую пучину, также радъ и писецъ, кончивши книгу сію“. Извѣстно послѣсловіе переписчика древнѣйшей лѣтописи: „радуется купецъ, сотворившій прикупъ, радуется кормчій, достигнувъ тихой пристани, радуется странникъ, увидѣвъ родину, такъ радуется и писецъ, дошедъ конца своимъ книгамъ“. Но радость объ окончаніи труда соединялась съ тревогой: что станется съ плодомъ долгой работы, сколько превратностей ожидаетъ его, когда онъ будетъ пущенъ въ свѣтъ, попадетъ въ чужія руки? И вотъ, писецъ, вложивши въ свою рукопись часть собственной души, приписываетъ къ послѣсловію страшныя заклятія: „кто похититъ сію книгу, да будетъ тому въ нынѣшнемъ вѣцѣ и будущемъ вѣчная мука“, или „а который попъ или дьяконъ чтетъ, а не застегаетъ всѣхъ застежекъ, буди проклятъ!“.

Переписываніе книгъ развилось, такимъ образомъ, въ цѣлую отрасль искусства. Оно доставляло не мало художественныхъ наслажденій самимъ писцамъ и воспитывало почтительное и бережное отношеніе къ книгѣ, какъ къ рѣдкому многоцѣнному предмету. Но всѣ эти условія книгописанія имѣли и свою оборотную сторону: онѣ ограничивали обращеніе книгъ тѣснымъ кругомъ любителей. Книга не могла сдѣлаться орудіемъ распространенія просвѣщенія. Книгъ было мало, существующія книги были дороги и труднодоступны. Правда, въ XVI в. переписываніе книгъ начало обращаться въ промыселъ, началъ складываться цѣлый классъ писцовъ, и число книгъ стало разрастаться. Но зато все сильнѣе сказывался другой недостатокъ книгописанія: рукописныя книги изобиловали ошибками переписчиковъ. Переписчики сами знали за собой этотъ грѣхъ и обыкновенно приписывали въ послѣсловіяхъ просьбы къ читателю простить имъ ихъ ошибки. Но дѣло отъ этого не улучшалось.

Потребность въ исправныхъ и легче доставаемыхъ книгахъ прежде всего ощутила церковь. Набрать достаточное количество богослужебныхъ книгъ для какой-нибудь новой епархіи—было цѣлымъ предпріятіемъ. Когда, напримѣръ, съ покореніемъ Казани была образована казанская епархія, пришлось разыскивать для отправленія въ Казань свободные апостолы и евангелія по монастырямъ всего государства, для чего былъ изданъ особый указъ. Съ разныхъ сторонъ правительство получало указанія на лучшее средство помочь дѣлу. Извѣстный Максимъ Грекъ, ученый монахъ съ Аѳона, еще при Василіи III рекомендовалъ ввести въ Россіи книгопечатаніе, съ которымъ онъ познакомился въ Венеціи въ 50 годахъ XVI в.; такой же совѣтъ пришелъ изъ далекой Даніи: датскій король Христіанъ прислалъ даже Ивану Грозному свѣдущаго человѣка съ предложеніемъ перевести Библію на русскій языкъ и напечатать ее въ нѣсколькихъ тысячахъ экземплярахъ, правда, на одномъ немаловажномъ условіи: Россія должна была для этого принять лютеранство. Легко догадаться, что посолъ Христіана уѣхалъ ни съ чѣмъ Но и православная церковь не менѣе лютеранской нуждалась въ книгахъ, и вопросъ о средствахъ книгоснабженія оставался во всей силѣ.

Пятидесятые годы XVI в. были лучшей порой царствованія Ивана Грознаго.

Въ разныхъ областяхъ государственной жизни начиналась кипучая преобразовательная работа. Молодой царь проводилъ въ жизнь ту программу, которую онъ начерталъ въ своей прекрасной рѣчи къ народу съ Лобнаго мѣста.

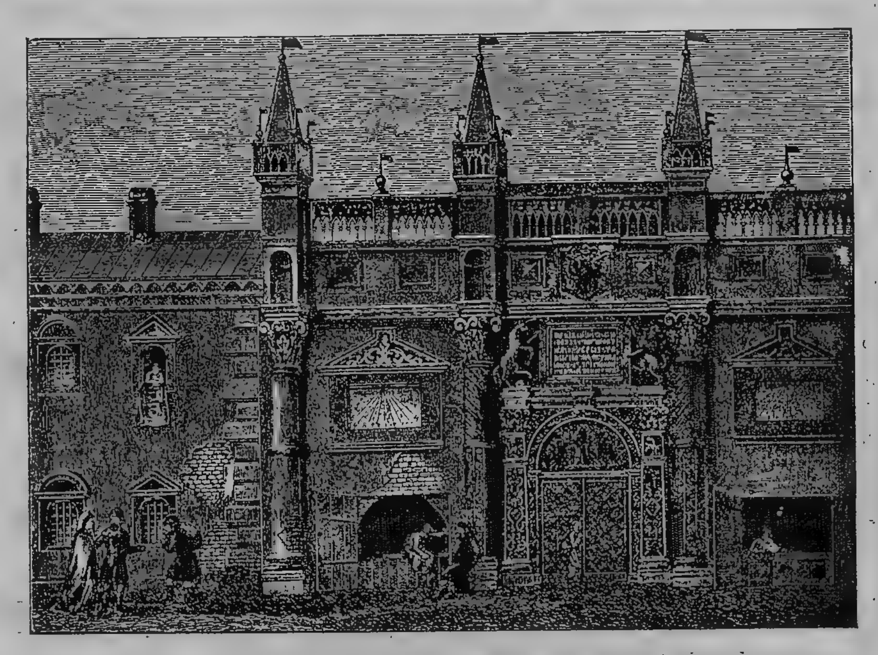
Земскій соборъ обсуждалъ преобразованіе областного управленія, составлялся новый Судебникъ, такъ называемый Стоглавый соборъ, смѣло раскрывалъ недочеты и изъяны церковной жизни.

Въ эту-то знаменательную пору, среди бодрой преобразовательной работы—„Богъ, по словамъ современнаго сказанія, вложилъ Іоанну Васильевичу благую мысль, какъ бы ему изряднѣе въ русской землѣ учинить и вѣчную память о себѣ оставить, *„произвести бы ему отъ письменныхъ книгъ печатныя“*. Лѣтомъ 1553 г. Иванъ Грозный пробылъ нѣсколько дней въ Сергіевской лаврѣ и имѣлъ бесѣды съ проживавшимъ тамъ Максимомъ Грекомъ. Вскорѣ послѣ этого царь повѣдалъ митрополиту Макарію мысль о заведеніи книгопечатанія на Руси. Митрополитъ пришелъ въ восторгъ отъ этой мысли, и на Москвѣ начали строить первый печатный дворъ на Николь-

ской улицѣ. Цѣлыя десять лѣтъ ушло на постройку этого зданія. Только въ 1563 г. тамъ начались типографскія работы.

Здѣсь впервые выступаютъ передъ нами русскіе первопечатники.

Это были природные русскіе люди. Датскій король напрасно утруждалъ себя посылкой типографскаго мастера въ Россію. Лишь только правительство предъявило запросъ на людей, свѣдущихъ въ типографскомъ искусствѣ, тотчасъ оказалось, что такіе люди уже водились среди русскихъ въ самой Москвѣ и только ждали случая для примѣненія своихъ познаній. Рѣшеніе царя строить печатный дворъ привело этихъ людей въ глубокое волненіе. Всѣмъ хотѣлось попасть въ царскіе печатники. И вотъ, въ ожиданіи окончанія постройки печатнаго двора, группы печатниковъ, соперничая другъ съ другомъ, спѣшили изготовить своими средствами образчики своего искусства. Такъ объясняютъ себѣ изслѣдователи появленіе на Москвѣ еще до открытія печатнаго двора нѣсколь-

Печатный дворъ въ Москвѣ XVII вѣка по тогдашнему рисунку.
Видъ съ Никольской улицы.

кихъ, найденныхъ въ недавнее время, печатныхъ евангелій. Царскимъ печатникомъ былъ назначенъ молодой дьяконъ Николо-Гостунской церкви Иванъ Өедоровъ, а его помощникомъ Петръ Тимофеевъ, по прозванію, Мстиславецъ. Прошлое этихъ лицъ покрыто для насъ полнымъ мракомъ. Внезапно являются они на исторической сценѣ и такъ же быстро сходятъ съ нея. Поступая на печатный дворъ, Иванъ Өедоровъ былъ молодъ — около 30 лѣтъ — и не лишенъ литературнаго образованія. Въ его послѣсловіяхъ встрѣчаемъ нерѣдко цитаты изъ сочиненій Максима Грека и князя Андрея Курбскаго. Подъ какими вліяніями онъ выросъ, отъ кого онъ воспринялъ свое искусство—на всѣ эти вопросы у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ пока отвѣта. Само по себѣ появленіе искусныхъ печатниковъ среди русскихъ людей XVI в. не представляетъ чего-либо удивительнаго. Московская Русь XVI в. далеко не была наглухо замкнутымъ міромъ; напротивъ, многообразными нитями связывалась она съ жизнью своихъ европейскихъ сосѣдей, а мы уже знаемъ, что печатный станокъ бойко работалъ въ то время въ пограничныхъ съ Россіей странахъ. Еще съ Ивана III начался усиленный приливъ на Москву итальянскихъ художниковъ и ремесленниковъ, а Италія какъ разъ послужила колыбелью книгопечатанія для многихъ славянскихъ странъ. Наконецъ, это искусство могло быть принесено въ Москву прямо выходцами изъ юго-западной Россіи. Припомнимъ, что товарищъ Ивана Өедорова носилъ прозваніе Мстиславца, быть-можетъ, по имени города Мстиславля въ Могилевской области.

Какими бы путями ни дошло типографское искусство до Ивана Өедорова, несомнѣнно одно—онъ воспринялъ это искусство съ глубокимъ сознаніемъ его важнаго значенія, съ твердой рѣшимостью сдѣлать изъ него дѣло своей жизни. Своей послѣдующей дѣятельностью онъ достаточно доказалъ, что именно приманило его на печатный дворъ Ивана Грознаго: не преимущества царской службы—онъ бросилъ эту службу, лишь только разбился его планъ служить родной странѣ печатнымъ словомъ; не матеріальныя выгоды: на закатѣ своей жизни онъ предпочелъ смерть въ нищетѣ — измѣнѣ своему призванію. Онъ пришелъ на царскій печатный дворъ съ цѣлью „духовныя сѣмена по вселенной разсѣвати“ и на всю жизнь остался энтузіастомъ этого дѣла.

19 апрѣля 1563 г. Иванъ Өедоровъ и Петръ Тимофеевъ приступили къ печатанію первой книги, вышедшей съ печат-

наго двора: „Дѣяній апостольскихъ“ и окончили ее 1 марта 1564 г., проработавъ надъ ней цѣлый годъ. Несомнѣнно, медленность ихъ работы въ значительной степени объяснялась несовершенствомъ, примитивностью ихъ инструментовъ. Въ книгѣ—267 листковъ по 25 строкъ на страницѣ. Въ книгѣ помѣщенъ довольно изящный рисунокъ съ изображеніемъ евангелиста Луки, сидящаго со свиткомъ предъ письменнымъ приборомъ. Затѣмъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславецъ отпечатали еще „Часовникъ“ съ изящными заставками изъ очертаній листьевъ и цвѣтковъ и Евангеліе, какъ вдругъ страшная катастрофа убила въ зародышѣ ихъ мирныя работы.

Давно уже по Москвѣ шелъ глухой ропотъ на новую затѣю царя. Съ разныхъ сторонъ накоплялись вражда и злоба. Прежде всего обширный классъ профессіональныхъ писцовъ почуялъ врага въ печатной машинѣ, и не мудрено: машина вырывала изъ ихъ рукъ кусокъ насущнаго хлѣба. Многіе приближенные къ царю люди мучились завистью по поводу тѣхъ милостей, которыми царь отличалъ первопечатниковъ.

Другого рода смута западала въ души любителей древняго благочестія. Машина разрушала ту интимную поэзію, которой былъ обвѣянъ старинный процессъ книгописанія; благочестивый подвигъ превращался въ механическую работу бездушнаго инструмента.

Являлась мысль: можно ли приравнять печатную книгу, вытѣсненную деревяннымъ прессомъ, старинной рукописи, гдѣ каждая буква была выведена со страхомъ и трепетомъ благочестивой рукой монаха? И не есть ли такая замѣна преступленіе предъ Богомъ?

Каждое изъ этихъ чувствъ — страхъ за кусокъ хлѣба у однихъ, религіозная мнительность у другихъ — сыграло свою роль въ подготовкѣ той грозы, которая собиралась надъ сводами печатнаго двора на Никольской. Враговъ у этого зданія было довольно. А много ли было нужно усилій, чтобы всколыхнуть страсти непросвѣщенной толпы, всегда настроенной подозрительно противъ всякой непонятной ей новинки. И вотъ, по Москвѣ пронеслась молва, что печатный дворъ — пристанище нечистой силы, что въ немъ занимаются „душевреднымъ волхованіемъ“, что онъ долженъ быть уничтоженъ. Молва принесла свои плоды. Печатный дворъ былъ подожженъ неизвѣстными злоумышленниками и сгорѣлъ, какъ свѣча. Народное возбужденіе сдѣлало, повидимому, для самихъ печатниковъ небезопаснымъ пребываніе въ Москвѣ и съ этого

Дѣанїа стыхъ апостолъ списана стымъ апостоломъ и евангелистомъ Лукою

Первое убо слово сътворихъ о всѣхъ, о Ѳеофиле. о нихже начатъ Іс творити же и учити. до негоже дне, заповѣдавъ апостоломъ Дхомъ Стымъ, ихже избра възнесеся. пред нимиже и постави себе жива по страдании своемъ. въ мнозѣхъ истинныхъ знамениихъ. днъми четыридесятьми являяся имъ и глаголя яже о царствии Бжїи. и с нимиже ядый, повелѣваше имъ от Иерусалима не отлучатися. но ждати обѣтованїе отча, еже слышасте от мене. яко Иоаннъ убо крстилъ есть водою. вы же имате креститися Дхомъ Стымъ. не по мнозѣхъ сихъ днехъ. Они же убо сшедшеся, въпрашаху

за а

въ стую и великую нлю пасхи. и на възнесенїе гне.

Первая страница „Апостола“, отпечатаннаго Иваномъ Ѳедоровымъ въ Москвѣ въ 1564 году.

момента для Ивана Θедорова начинается пора долговременныхъ скитаній. Вмѣстѣ съ Петромъ Мстиславцемъ онъ бѣжалъ туда, гдѣ печатаніе русскихъ книгъ уже получило право гражданства, онъ бѣжалъ на родину Скорины.

На первыхъ порахъ въ Литвѣ счастье улыбнулось Ивану Θедорову. Король и паны приняли его очень милостиво, и одинъ изъ знатнѣйшихъ литовскихъ вельможъ, гетманъ литовскій Хоткевичъ далъ ему матеріальную возможность возобновить свое дѣло. Въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ теперешней Гродненской губерніи, лежало имѣніе Хоткевича — Заблудово. Здѣсь Хоткевичъ основалъ типографію, въ которую и были приглашены московскіе бѣглецы. Они принялись за работу и отпечатали Евангеліе и Псалтирь. Но Заблудово оказалось непрочной пристанью для нашихъ скитальцевъ. Петръ Мстиславецъ скоро покинулъ товарища и ушелъ въ Вильно на зовъ тамошнихъ русскихъ богачей, друзей Андрея Курбскаго, которымъ понадобился свой печатникъ для борьбы съ католической пропагандой, а надъ Иваномъ Θедоровымъ, оставшимся въ Заблудовѣ, внезапно разразился новый ударъ. Хоткевичъ охладѣлъ къ своему предпріятію, и типографія его была закрыта. Гетманъ обошелся со своимъ печатникомъ благородно: онъ подарилъ Ивану Θедорову деревню и предложилъ ему жить тамъ, занимаясь землепашествомъ. Передъ Θедоровымъ открывалась перспектива мирной и обезпеченной жизни. Но онъ не вынесъ этого сытаго покоя. „Не пристало мнѣ, — писалъ онъ послѣ въ одномъ изъ своихъ автобіографическихъ послѣсловій,—сокращать дни живота своего за плугомъ и сѣяніемъ сѣмянъ житныхъ, мнѣ было положено духовныя сѣмена по вселенной разсѣвати“. Его мучила

Гетманъ литовскій
Григорій Александровичъ Хоткевичъ.

мысль, что Богъ взыщетъ съ него за зарытіе въ землю даннаго ему таланта. Онъ бросилъ все и опять пошелъ искать по свѣту удобнаго пристанища, гдѣ можно было бы послужить любимой идеѣ. Путешествіе было очень тяжелое по недостатку средствъ, а впереди не было ничего опредѣленнаго. Печатникъ шелъ на удачу, испытывая многія лишенія или, какъ онъ выразился самъ — „вся злая и злыхъ злѣ". Такъ онъ добрался до города Львова. Тамъ было не мало богатыхъ русскихъ и греческихъ православныхъ купцовъ. Типографіи городъ еще не имѣлъ, и Иванъ Ѳедоровъ рѣшилъ здѣсь остановиться и попытать счастья. Съ рѣдкой настойчивостью началъ онъ обходить „богатыхъ и благородныхъ" львовскихъ *гражданъ*. Онъ указывалъ имъ на высоту задачи „боговдохновенные догматы печатно распространевати". Онъ просилъ ихъ о матеріальной помощи для своего предпріятія „творя передъ ними земныя метанія, прося ихъ умиленными глаголы", сопровождая свои просьбы „многослезными рыданіями". Богачи остались глухи къ этимъ просьбамъ. Но Иванъ Ѳедоровъ не сложилъ оружія. По мелочамъ онъ собралъ таки кое-какую сумму, при которой можно было начать дѣло. Ему помогли, по его выраженію, не богатые и благородные, а малые и не славные въ мірѣ люди. Типографія открылась, и среди всевозможныхъ непріятностей и лишеній, подъ постояннымъ страхомъ долговыхъ взысканій, Ѳедоровъ дѣлалъ свое дѣло, поспѣшно отпечатывалъ на бумагѣ „священные глаголы".

Къ недостатку средствъ присоединились хлопотливыя пререканія съ мѣстнымъ столярнымъ цехомъ въ виду того, что въ типографіи оказалось необходимымъ произвести нѣкоторыя столярныя работы, и Ивану Ѳедорову пришлось испытать на себѣ всю тяжелую придирчивость средневѣковыхъ цеховыхъ постановленій.

Работа шла своимъ чередомъ, и въ 1574 г. изъ типографіи былъ выпущенъ печатный Апостолъ, но дальнѣйшая борьба съ нуждой оказалась не подъ силу, и вся типографія, со всѣми принадлежностями и книгами, скоро оказалась заложенной мѣстному ростовщику. И опять Иванъ Ѳедоровъ очутился не при чемъ, при однѣхъ разбитыхъ надеждахъ. Въ эту критическую минуту ему протянулъ руку помощи знаменитый покровитель просвѣщенія и вождь православной партіи на Волыни—кіевскій воевода, князь Константинъ Острожскій, крупнѣйшій магнатъ, владѣвшій громаднымъ богатствомъ. Въ его собственности находилось до 300 городовъ и нѣсколько

тысячъ имѣній, разбросанныхъ по Галиціи, Подоліи и Волыни.

Щедрый меценатъ, Константинъ Острожскій тратилъ большія суммы на учрежденіе школъ, поддержку ученыхъ, изданіе книгъ. Въ городѣ Острогѣ (нынѣ уѣздный городъ Волынской губерніи) у него была своя типографія, помѣщавшаяся въ высокой башнѣ замка, на берегу рѣки Виліи.

Константинъ Острожскій долженъ былъ принять близко къ сердцу бѣдствія московскаго изгнанника: вѣдь въ душѣ князя горѣлъ тотъ же самый огонь, который свѣтилъ бѣдному дьякону на тернистомъ пути его жизни. Около двухъ лѣтъ проработалъ Иванъ Өедоровъ въ Острожской типографіи и отпечаталъ тамъ три книги: Псалтирь, Новый Завѣтъ и знаменитую Острожскую Библію.

Князь Константинъ Острожскій.

Изъ Острога Өедоровъ снова вернулся въ Львовъ съ мыслью опять основать здѣсь собственное дѣло. Теперь онъ былъ уже не безызвѣстный пришелецъ, и ему легче было найти кредитъ у мѣстныхъ купцовъ. Завязывались связи съ львовскимъ обществомъ, являлись помощники, проглядывала надежда на удачу. Но тутъ пришла смерть. Прежде чѣмъ открылась новая типографія, Иванъ Өедоровъ умеръ—5 декабря 1583 г. Наканунѣ его смерти кредиторъ наложилъ арестъ на большую часть его имущества. Такъ кончилъ свое поприще — изгнанникомъ и бѣднякомъ — піонеръ печатнаго слова въ московской Руси. На плитѣ его могилы написали: „Воскресенія изъ мертвыхъ чаю. Друкарь (т. е. печатникъ) книгъ, предъ тѣмъ невиданныхъ“.

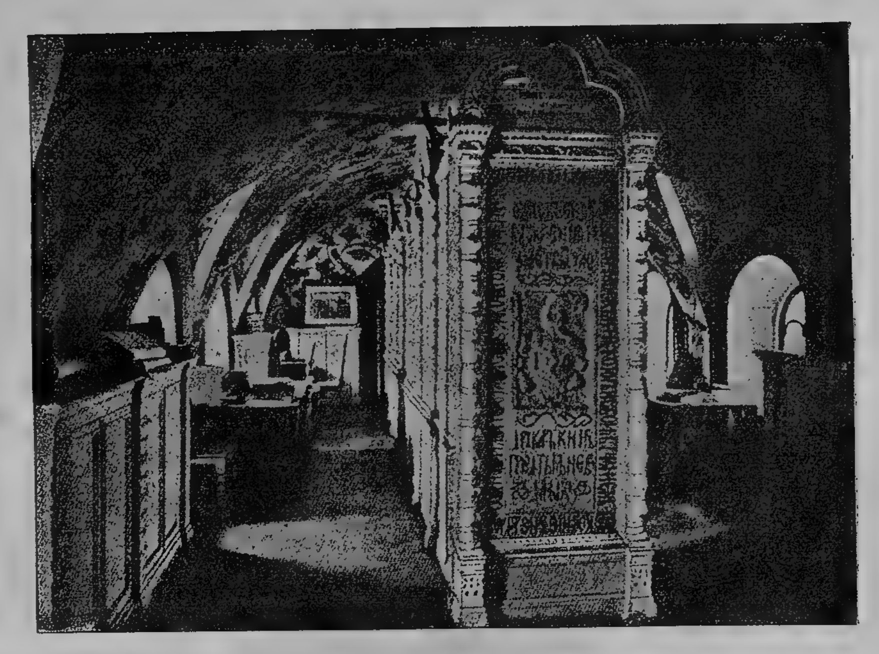
Когда мы слѣдимъ за жизненной драмой людей, служившихъ благородной идеѣ и павшихъ жертвами невѣжествен-

Развалины старой башни въ городѣ Острогѣ.

ности своихъ современниковъ, мы легко можемъ отдаться чувству негодованія на косность и неблагодарность толпы. Но не будемъ бросать камнемъ въ тѣхъ темныхъ людей, которые своимъ преступленіемъ на Никольской, три столѣтія тому назадъ, выбросили за предѣлы родины одного изъ ея лучшихъ слугъ. Толпа не вѣдала, что творила, безсознательно подчинялась законамъ психологіи. Постараемся лучше, чтобы теперь, когда печатная книга стала для насъ столь обычной принадлежностью жизни, среди насъ не угасала память о томъ, кто принялъ на свои плечи всю тяжесть первой проповѣди новаго дѣла. Есть чудное стихотвореніе Некрасова. Въ немъ говорится о людяхъ, отдавшихъ жизнь благу народа и непонятыхъ современниками. Но придетъ—говоритъ поэтъ—рано или поздно часъ, когда народъ предъ ними „святой восторгъ почуетъ, вздохнетъ и совѣсть уврачуетъ, воздвигнувъ пышный мавзолей“. Такъ бѣднякъ, тайно спасенный неизвѣстнымъ избавителемъ, вдругъ узнаетъ его имя, спѣшитъ къ нему въ домъ со словами благодарности на устахъ —

„Проходитъ, смотритъ - вотъ жилище.
„Но гдѣ жъ хозяинъ? Все молчитъ.
„Идетъ бѣдняга на кладбище
„И на могильныя плиты
„Бросаетъ поздніе цвѣты...“

Книжная палата въ зданіи печатнаго двора. На первомъ планѣ снимокъ съ надгробной плиты Ивана Өедорова.

По отношенію къ Ивану Өедорову мы уже не можемъ выполнить этого трогательнаго обряда. Время не пощадило его могилы. На внутренней облицовкѣ стѣнъ одной церкви города Львова нашли каменную плиту съ надписью, взятую для ремонта стѣны съ могилы Өедорова. Но и этой плиты уже не существуетъ болѣе.

Въ 1883 г. церковь ремонтировали, и археологи не позаботились во-время охранить историческую надпись. Лишь только рабочій тронулъ ломомъ замѣчательный камень, онъ разсыпался въ кусочки.

Въ настоящее время идутъ приготовленія къ сооруженію памятника Ивану Өедорову въ Москвѣ у Третьяковскаго проѣзда.

Можно только порадоваться этому начинанію. Но я думаю, что память этого замѣчательнаго дѣятеля будетъ почтена въ должной мѣрѣ лишь тогда, когда, по его прекрасному выраженію, духовныя сѣмена будутъ разбросаны по всей русской землѣ, и въ предѣлахъ нашей родины не останется ни одного неграмотнаго человѣка.

